

Посвящается Туути¹

¹ *Туути* (уменьшительное имя) — многолетняя подруга Туве Янссон Ида Хельми Тууликке Пиетиля (1917–2009), известная художница, график. С Туве Янссон и Пентти Эйстола участвовала в создании модели дома муми-троллей, которая хранится в Музее муми-троллей в Тампере. Она также автор иллюстраций (тушью и акватинтами — смытой краской) к последней книге Янссон «Записки с острова» (1996). Вместе с братом Туве Янссон Пером Улофом Янссоном выпустила книгу воспоминаний друзей писательницы «Путешествие с Туве» (2002). Туути — прототип Туу-тикки в сказочных повестях Туве Янссон о муми-тролях.

ПЕРЕПИСКА

Дорогая Янссон-сан,
пишет Вам девочка из Японии.
Мне тринадцать лет и два месяца,
восемнадцатого января исполнится
четырнадцать.
У меня есть мама и две младшие сестренки.
Я прочла все, что Вы написали,
а потом читала еще раз
и думала про снег и одиночество.
Токио очень большой город.
Я учу английский и очень стараюсь.
Я люблю Вас и мечтаю
стать такой же старой и мудрой,
как Вы.
Посылаю Вам одно хайку на японском
про цветы сакуры.
Вы живете в лесу?
Извините, что пишу Вам.
Желаю Вам здоровья и долгой жизни.
Тамико Атсуми

Дорогая Янссон-сан!
Прошлый день рожденья был для меня
очень важным.

Ваш подарок мне очень дорог.
Все любят Вашим подарком и картиной
с маленьким островом,
на котором Вы живете.
Она висит над моей кроватью.
Сколько одиноких островов в Финляндии?
Могут ли все, кто хочет, на них поселиться?
Я хочу жить на острове.
Я люблю одинокие острова,
люблю цветы и снег,
но описать все это Вам не сумею.
Я учусь очень прилежно.
Я читаю Ваши книги на английском.
На японском Ваши книги на них не похожи.
Почему они совсем разные?
Я думаю, что Вы счастливы.
Берегите хорошенько свое здоровье.
Желаю Вам долгой жизни.

Тамико Атсуми

Дорогая Янссон-сан!

Вот уже целых пять месяцев и девять дней,
как я жду от Вас весточки.
Получили ли Вы мои письма?
Получили ли мои подарки?
Я по Вам скучаю.
Я стараюсь хорошо учиться.
Хочу рассказать Вам про свою мечту.
Я мечтаю увидеть чужие страны, говорить
на их языках и понимать их.
Я хочу говорить с Вами,
хочу, чтобы Вы говорили со мной.

Чтобы Вы рассказали, что чувствуешь,
когда вокруг нет домов,
а на дорогах не видно людей.
Я хочу понять, как можно писать про снег.
Хочу сидеть у Ваших ног и учиться у Вас.
Я собираю деньги на поездку.
Посылаю Вам еще одно хайку
про очень старую женщину,
которая видит далекие синие горы.
Она не видела их, когда была молодая,
а теперь ей до них не добраться.
Это очень красивое хайку.
Берегите свое здоровье.

Тамико

Дорогая Янссон-сан,

Вы отправились в далекое путешествие,
Вас не было дома целых шесть месяцев.
Я думаю, Вы уже возвратились домой.
Куда Вы ездили, Янссон-сан?
И чему научились в этой поездке?
Быть может, Вы взяли с собой кимоно?
Оно цвета осени, а осень — пора путешествий.
Вы писали, что время летит очень быстро,
но, когда я думаю о Вас,
оно тянется медленно.
Я хочу стать старой и мудрой, как Вы.
Ваши письма я храню в тайнике,
в красивой шкатулке,
и читаю их, когда солнце садится.

Тамико

Милая Янссон-сан,
значит, вовсе не обязательно быть старой,
чтобы писать рассказ о том,
что знаешь, что чувствуешь,
о чем мечтаешь, чего ждешь.
О милая Янссон-сан, стало быть,
когда пишешь рассказ,
не надо думать о том, что считают другие,
надо оставаться наедине со своим рассказом
и чувствовать себя по-настоящему одинокой.
Теперь я поняла, что значит
любить того, кто от тебя далеко,
и поспешу написать об этом.
Вот еще одно хайку, оно про ручей,
который так радуется весне,
что всем становится весело.
Перевести его я не успею.
Напишите, когда мне приехать.
Деньги я накопила и надеюсь,
что на поездку мне дадут стипендию.
Какой у вас самый красивый месяц
для нашей встречи?

Тамико

Дорогая Янссон-сан,
спасибо за короткое письмо.
Я поняла, что лес в Финляндии
очень большой и море большое,
а Ваш дом очень маленький.
Это красивая мысль, что с писателем
нужно встречаться лишь в его книгах.
Я все время учусь.
Желаю Вам долгой жизни.

Ваша Тамико Атсуми

Моя Янссон-сан,

сегодня весь день шел снег,
я научилась писать про него.

Сегодня умерла моя мама.

В Японии, когда становишься старшей в семье,
из дома нельзя уезжать, да я и сама не хочу.

Надеюсь, Вы поймете меня, Янссон-сан.

Спасибо Вам.

Шлю Вам стихотворение Лан Ши Юаня¹,
великого древнего китайского поэта.

На Ваш язык его перевели Альф Хенрикссон
и Ван Тэу Йи:

«Ветры глухие доносят резкие крики
диких гусей.

Сколько снега вокруг! А небо холодное, серое.

Что могу я тебе подарить на прощанье?

Только синие горы, но они будут вечно с тобой».

Тамико

¹ *Лан Ши Юань* — поэт эпохи Тан, один из «десяти гениев» периода правления императора Дайцуня (766–779).

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНИЕ

I

Когда мы подошли к дому и Юнне увидел целый парк личных автомобилей, стоявших у бабушкиного подъезда, он тут же заявил, что следовало бы надеть темный костюм.

— Дорогой, не глупи, — сказала я, — спокойнее... Бабушка вовсе не такая, как ты думаешь. Люди приходят к ней и в вельветовых брюках, и в чем угодно, она обожает богему.

— Вот именно, — ответил Юнне, — но я ведь не богема, я совершенно обыкновенный, я не имею права надевать вельветовые брюки на чье-либо восьмидесятилетие. Тем более что в первый раз с ней встречаюсь.

Я говорю ему:

— Мы распакуем подарок перед тем, как войти. Бабушка любит сама открывать их только на Рождество.

С подарком было не так-то легко! Бабушка звонит мне и советует:

— Детка, ты, верно, приведешь с собой твоего парня, чтобы показать его мне, но не вздумай покупать какой-нибудь ненужный и дорогой подарок. У меня сейчас есть в основном все, что мне нужно, а кроме того, вкус у меня гораздо лучше, чем у большинства моих потомков. И я не желаю оставлять

слишком много хлама после смерти. Придумайте что-нибудь совсем простое, но с любовью. Только не вздумайте искать что-либо, имеющее отношение к искусству, вам это не по плечу.

Мы прикидывали и так, и этак. Бабушка полагает, что она — идеал терпимости, но при этом она отягощает родственников столь неприятными желаниями, что выполнить их на самом деле совсем не легко. Ведь вроде было бы так просто купить, например, чашу из толстого стекла, но нет: это значило бы, что ты буржуазна, да и подарок твой принесен вовсе не с любовью... Естественно, я кое-что рассказывала Юнне о бабушке и о ее картинах тоже; и он чувствует себя польщенным. Один из бабушкиных ранних эскизов висит у нас дома, он из Сан-Джиминьяно, куда бабушка прикатила на свою первую стипендию, стало быть, прежде, чем прославилась своими рисунками с изображениями деревьев. Она часто говорила о Сан-Джиминьяно. И мне до сих пор хочется слушать ее рассказы о том, как счастлива она была именно в этом маленьком итальянском городке с его башнями, как ощущала себя сильной и свободной, когда просыпалась на восходе солнца, чтобы приняться за работу, а некая юная синьорина везла по городу свою тележку с овощами. Бабушка открывала окошко и указывала пальцем на нужные ей овощи. Они превосходно понимали друг друга, и было тепло и ужасно дешево, а потом бабушка выходила из дома с мольбертом...

Юнне тоже понравился этот рассказ. И легко представить себе, что случилось потом. Юнне абсолютно самостоятельно отправился в лавку, где про-

давали разнообразные товары, и нашел там картины с видами Сан-Джиминьяно. И вот у нас в руках подарок для бабушки! В магазине ему сказали, что это литография начала девятнадцатого века. Мы не сочли это чем-то выдающимся, но во всяком случае...

— Юнне, — сказала я, — а теперь пойдём. Будь просто самим собой — она это обожает.

В дверях бабушкиной мастерской толпился длинный ряд поздравителей, несколько молоденьких кузин сновали взад-вперед, принимая верхнюю одежду. Мало-помалу мы тоже прошлюзовались в большую просторную комнату, роскошно декорированную и убранную бабушкиными помощниками. Заметив ее, я зарулила в нужную сторону, поспешно сжав руку Юнне, чтобы успокоить его. Где-то на заднем фоне играла музыка, отнюдь не классическая, но, возможно, специально подобранная и столь элитарная, что лишь в скрытой форме отражала неординарность бабушкиной личности.

Мы направились к ней. Она была одета со свойственной ей сознательно-нарочитой *ponchalance*¹, а седые волосы легкими, как бы случайными, локонами обрамляли серьезное лицо с очень ясными и насмешливыми глазами, лицо, которое приняло учтивое выражение.

— Это Юнне, — представила я. — Юнне, это бабушка!

— Добро пожаловать, — сказала она. — Финн, не правда ли? — продолжала бабушка, окидывая Юнне нежным взглядом. — Как же ты справишься со старинным закоснелым родом, где болтают только

¹ Небрежность (*фр.*).

по-шведски? Ну а... вы женаты или нет? Все в порядке?

— Все в порядке, да не совсем, — храбро ответил Юнне, и бабушка засмеялась. Я поняла, что он пришелся ей по душе.

Она спросила:

— Ну а где же ваши подарки?

Она долго рассматривала картину с видом Сан-Джиминьяно и в конце концов заметила, что «верно, вы в самом деле постарались», и тут же с молниеносной улыбкой добавила:

— Я писала на эту же тему. Только лучше. — С легким жестом, заключавшим в себе и окончание аудиенции, и тайное взаимопонимание, она отправилась дальше.

В большой комнате доминировал бабушкин стол для моделей — подиум, прикрытый барселонской парчой и в изобилии уставленный разными яствами, начиная от оливок и кончая тортом со взбитыми сливками. Младшие бабушкины потомки бегали вокруг с цветочными вазами, которые еще утром наполняли водой. Гости толпились группками, бурно беседуя между собой, и каждому подносили бокал шампанского. А над всем этим, словно картина Шагала, проплывала бабушка; как своего рода нежданная радость, она приходила и уходила, вкрапляя то тут, то там свои маленькие афоризмы. Но я заметила, что она остерегалась представлять гостей друг другу. Ни малейшего намека на скверную память. Представьте друг другу сами, дорогие друзья! Смогу ли я когда-нибудь держаться так же свободно, как бабушка?!

Через всю мастерскую все время с криками пробегали дети. Но казалось, это ничуть не раздража-

ло бабушку, она очень спокойно советовала матерям позаботиться о том, чтобы дети не причиняли особого беспокойства. Мы с Юнне опустили за стол, где уже сидело множество гостей, и слишком поздно заметили, что ошиблись: этот стол был предназначен для тех, кого бабушка называет «интеллектуалы» и кто общается исключительно друг с другом. Чем они занимались, я не знала. Я отчаянно пыталась хоть что-нибудь сказать и наконец после долгого молчания, обратившись к господину с эспаньолкой, произнесла:

— Как необыкновенно красиво освещена мастерская вечером!

К моему величайшему облегчению, господин с эспаньолкой заговорил о значении света, затем перешел к идее ощущения, но прошло довольно много времени, пока я поняла, что он искусствовед. К счастью, он не рассчитывал более чем на одного слушателя, а я задумчиво кивала, повторяя: «Ну конечно!», «О! Так и есть!» — и иногда поглядывала на Юнне, сидевшего с несчастным видом напротив меня. Он притулился рядом с одним из тех гениев, которые только и делают, что молчат, и ни на йоту тебе не помогут. Во всяком случае, я немного гордилась тем, что мой Юнне принят в клан отпрысков художественно одаренных натур, да еще в клан, где порой демонстрируют парад слабоумия.

Однако он вскоре сумел спастись и, пересев ко мне, прошипел прямо в ухо:

— Пошли домой?

— Да, — ответила я, — скоро пойдем.

И вот тут-то вошли они — трое господ, мужчин неопределенной внешности. Они производили впечатление какой-то неряшливости — одежда на них

была вся в пятнах. Но совершенно точно они не принадлежали к богеме, хотя, разумеется, волосы у них были длинные, но скорее такие, как обычно бывают у людей среднего возраста. Они устроили целый спектакль из своего появления, отвесив глубокий поклон бабушке и поцеловав её руку. Она сопроводила их к незанятому столу далеко у окна, и каждому из них подали по бокалу шампанского. Вскоре один из бокалов очутился на полу, разбившись вдребезги, бабушка же только слегка улыбнулась, хотя я-то знала, как тревожилась она именно за эти бокалы, — по-моему, бокалы были еще свадебные. Принесли снова кофе и снова пирожных, но вновь прибывшим господам по-прежнему подавали шампанское. Я увидела, что Юнне, пробираясь вдоль стен, прилежно разглядывал все, что там висит, пока не приблизился к столу, где сидели вновь прибывшие. Ведь он, мой дорогой Юнне, не понимал, что это стол неудачников. Как бы там ни было, он, казалось, наконец-то там прижился.

Один из этих господ подошел к столику, где стояло виски, и прихватил с собой целую непечатую бутылку. На обратном пути он делал глубокие реверансы и отвешивал поклоны бабушке, но, возможно, улыбка ее на сей раз производила впечатление усталой.

Мой же искусствовед, немного переместившись за столом, оживленно болтал — кажется, речь по-прежнему шла об идее ощущения. Я поднялась и незаметно подошла к Юнне, меня удручало, что приходится слушать о вещах, которых я по-настоящему не понимала или до которых мне не было дела.

Один из вновь пришедших господ, тот, у которого были седые обвислые усы, поднял свой бокал и изрек нечто:

— И вот, стало быть, он пишет так же непонятно, как пишет Юксу, черт побери!

— Верно, — согласился Юксу. — И всего лишь семь сантиметров.

— Ты измерял?

— Да, я взял сантиметр и измерил. Точь-в-точь семь сантиметров, словно покупаешь гороховый суп в пакете. Ты точно знаешь, что купил, и никакой картины. Но эти неофиты, по крайней мере, пишут картины.

Третий господин произнес:

— Он, пожалуй, так стар, что подлизывается к молодым.

— Да, точно, черт возьми!

— Но всего в этой жизни не получишь, — сказал тот, что с усами.

— Нет!

Они продолжали беседовать, спокойно и вдумчиво, казалось, они привыкли так беседовать между собой, но спорить больше не желали. Они просто излагали факты. Например, они ни слова не говорили об искусстве, разговор касался больше повышения платы за квартиру, того или иного конкурса, результат которого оказался несправедливым, хотя ведь нечего и ожидать, что...

Но когда бабушка, очаровательно совершая свой очередной обход гостей, оказывалась поблизости, они оживлялись и преисполнялись учтивости, словно настоящие кавалеры. Юнне не произносил ни слова, но я видела, что ему необычайно интерес-

но. Ни один из них не обращал на нас особого внимания, но они следили за тем, чтобы наши стаканы то и дело наполнялись, и любезно предоставили мне место чуть поближе к столу. Их манера вести разговор вселяла спокойствие. Мы сидели словно на мирном заповедном острове, никто из них не спрашивал, чем мы занимаемся, они позволили нам сохранять анонимность. Праздник вокруг нас был уже в полном разгаре, и в комнате казалось совсем сумеречно. Дети исчезли. Вдруг кто-то зажег люстру, и тут же внесли пироги. Тот, кого звали Юксу, поднялся, мы все вместе встали и, так уж это получилось, вышли в прихожую сплоченной группкой, а после бесконечных реверансов, почтительных поклонов и откровенных любезностей в адрес бабушки спустились на лифте вниз. Но она успела мне шепнуть:

— Не приглашай их! Их трое, а у вас нет денег.

Хотя она наверняка видела, что ее бутылка виски спрятана у Юксу под пальто.

II

Когда мы вышли на улицу, было холодно. И ужасно тихо. Ни машин, ни людей, лишь этот поразительный полусвет, что несет с собой весенняя ночь. После довольно долгого молчания мы представились друг другу. Их звали Кеке и Юксу, а того, что с усами, — Вильхельм.

— Пройдемся, — предложил он. — Спустимся вниз. Но не в наше обычное место!

— Нет, — возразил Кеке. — Там теперь неудобно. Пойдем присядем где-нибудь, а потом посмотрим.

Обратившись ко мне, он на редкость дружелюбно спросил:

— Вы давно живете вместе?

— Два месяца, — ответила я. — Вернее, почти два с половиной.

— И вам хорошо?

— Да, ужасно хорошо!

Вильгельм сказал:

— Пойдем на наше обычное место. Там есть газеты.

Это место находилось за прибрежными утесами, внизу, в гавани. Мы все взяли по газете из мусорного ящика и уселись рядом на краю набережной. Рыночная площадь была совершенно пуста.

— А теперь примем по маленькой, — обратился Юксу к Юнне. — Но пусть твоя жена нас извинит, стаканов у нас нет. Ты не очень-то многословен. Тебе хорошо?

— Ужасно хорошо, — ответил Юнне.

У меня появилось ощущение, что ему следовало бы остаться с ними наедине, без меня. Обратившись к Вильгельму, я вежливо заметила:

— Здесь действительно уютно. Как прекрасно быть с людьми, которые ничего не принимают слишком серьезно.

— Ты очень молода, — ответил Вильгельм. — Но у тебя чудесная бабушка!

Мы выпили все вместе, и вдруг Юнне довольно бойко разговорился:

— Я слышал, что вы там говорили: нельзя ожидать всего в этой жизни. И все же надо ждать, я имею в виду ждать чего-то невероятного — от себя самого и от других. Надо целиться высоко, ведь па-

дать вниз всегда немного дольше, если вы понимаете, что я имею в виду, — как стрела из лука...

— Ясно, абсолютно ясно, — успокоил его Кеке. — Ты абсолютно прав. Посмотри, они входят в гавань. Я люблю лодки.

Мы снова выпили немного виски и стали рассматривать рыбацьи лодки, что медленно причаливали к набережной. Подошли двое приятелей наших новых знакомых. Манеры у них были явно светские.

— Привет, Кеке! — поздоровался один из них. — Извини, я вижу, у вас гости. Сигарет не найдется?

Получив по одной, они отправились дальше. Высоко-высоко в весеннем небе, словно белоснежная мачта, покоилась над пустынной площадью церковь Стурчюркан¹. Хельсингфорс был неопишимо красив. Никогда прежде я не замечала, насколько красив этот город.

— Церковь Святого Николая, — сказал Юксу. — Все им надо переименовать. Стурчюркан — вот идиотство! Это название ни о чем не говорит.

Он дал пустой бутылке соскользнуть в воду и упомянул мимоходом, что они не могут больше писать настоящие стихи.

Теперь ночь казалась уже такой темной, какой она может быть в мае, и никакие фонари ей вовсе не нужны.

— Объясни мне, — попросила я, — что подразумевается под ощущением?

— Наблюдательность, — ответил Вильхельм, — то, что внезапно видишь, и тебе вдруг приходит в голову какая-то старая идея. Или даже новая.

— Да, — подтвердил Кеке. — Новая!

¹ Большая церковь (*швед.*).

Мне показалось, что стало холодно, и, внезапно рассердившись, я сказала, что восьмидесятилетие — это абсолютно дурацкий праздник.

— Дружок, — произнес Вильхельм. — Праздник был настоящий и по-своему красивый, но он уже кончился. Остались теперь только мы, что сидим тут и пытаемся размышлять.

— О чем? — спросил Юксу.

— О нас! Обо всем на свете!

— Как, по-твоему, о чем думает бабушка?

— Это никому не известно.

Вильхельм продолжал:

— А история с этими пятьюдесятью выставками в неделю! Да они ведь с ног собьются. Им ведь не успеть больше, чем молодым, этим дьяволам.

— Каким таким дьяволам? — спросила я.

— Критикам! Пятьдесят выставок в неделю.

— И никто больше ни о чем не спрашивает, — сказал Кеке. — Насмотрелись досыта. И своя критика была.

Он продолжал:

— Ниже спины замерз. Подвигаемся?

Когда мы пошли дальше вдоль берега, он дружески спросил, чего я хочу от жизни.

Немного поколебавшись, я ответила:

— Любви! Может быть, верности...

— Да, — сказал он, — вот это правильно. В известном смысле. Для тебя, по крайней мере.

— И путешествовать, — добавила я. — У меня такое желание — путешествовать.

Кеке ненадолго замолчал, а потом произнес:

— Желание! Как видишь, я жил довольно долго, стало быть, работал тоже довольно много. Это одно и то же. И знаешь, во всем этом спектакле,

именуемом жизнью, единственное по-настоящему важное — желание. Оно приходит и уходит. Сначала получаешь его бесплатно и не понимаешь, что это, только расточительствуешь. А потом оно становится чем-то, за что испытываешь страх.

Было ужасно холодно, Кеке шел слишком медленно, и я замерзла. Затем он сказал:

— Целиком картину трудно увидеть. По-моему, сигареты кончились.

— Вовсе нет, — возразил Юксу. — Вот «Филипп Моррис», бабушка сунула их мне в карман. Она свое дело знает.

Кеке перешел к остальным, они зажгли свои сигареты и так же медленно продолжили путь.

Мы с Юнне шли за ними, и я шепнула ему:

— Ты устал от всего этого? Не пойти ли нам домой?

— Тихо, — попросил он. — Я хочу послушать, о чем они говорят.

— Давай, Вильхельм, начинай, — сказал Кеке.

— Его глина... — произнес Вильхельм. — Она досталась дилетанту. Ничтожному выскочке. Не прошло и двух дней со дня его смерти, как явилось это дерьмо и скупило всю глину у вдовы за бесценок. А покойный был стар, подумать только, какая глина!

— Юнне, подожди немного, — попросила я, — мне в туфлю попал песок.

Но он пошел дальше, к ним. Когда они вернулись обратно, Юнне поспешно рассказал, что глина все время оживает, все больше и больше. Для каждого скульптора это всегда одна и та же глина, и ее постоянно надо держать влажной, а новая глина совершенно не такая, она не живет...

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЛЕГКЕ

Рассказы

Переписка. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	7
Восьмидесятилетие. <i>Перевод Л. Брауде</i>	12
Дачник. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	28
Чужой город. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	49
Женщина, одолжившая память <i>Перевод Л. Брауде</i>	58
Путешествие налегке. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	74
Райский сад. <i>Перевод Л. Брауде</i>	91
Shopping. <i>Перевод Л. Брауде</i>	135
Лес. <i>Перевод Л. Брауде</i>	146
Смерть учителя гимнастики. <i>Перевод Л. Брауде</i>	151
Чайки. <i>Перевод Л. Брауде</i>	169
Оранжевая. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	182

ИГРУШЕЧНЫЙ ДОМ

Рассказы

Обезьяна. <i>Перевод Л. Брауде</i>	199
Игрушечный дом. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	206
Понятие о времени. <i>Перевод Л. Брауде</i>	223
Локомотив. <i>Перевод Л. Брауде</i>	233
В городе Хило, штат Гавайи <i>Перевод Л. Горлиной</i>	259

В чужой стране. Перевод Л. Горлиной	281
Тот, кто иллюстрирует комиксы	
Перевод Л. Брауде	298
White Lady. Перевод Л. Горлиной	322
Искусство на природе. Перевод Л. Горлиной	336
Главная роль. Перевод Л. Горлиной	345
Дитя цветов. Перевод Н. Беляковой	356
Великое путешествие. Перевод Л. Брауде	365